

Гу Чжао окликнул уходящего Чжэн Хуэя.

В академии действовало строгое правило: ученикам запрещалось бегать или затевать потасовки. Каким бы быстрым ни было дело, полагалось идти быстрым, но размеренным шагом, дабы не уронить достоинство книжника. Бегать разрешалось разве что на тренировочном поле.

Юноша нагнал товарища в несколько шагов.

— Мы знакомы не первый день, — начал он, — и я зову тебя братом Чжэном. Даже если нам не суждено остаться друзьями, мы всё равно будем соучениками, а потому между нами не должно быть недомолвок. Неужели ты и впрямь хочешь порвать со мной из-за какой-то книжонки?

Он внимательно посмотрел в лицо Чжэн Хуэю.

— Или есть какая-то иная причина? Если хочешь выговориться — я выслушаю. Если же твёрдо решил, что такой друг тебе не нужен — что ж, воля твоя.

Собеседник замялся, явно борясь с собой. Гу Чжао не стал давить, лишь мягко добавил:

— Пожалуй, мне не стоило так резко критиковать то, что тебе дорого. Даже если я не разделяю взглядов автора, ты — мой друг, и мне следовало уважать твои пристрастия.

Он сложил руки в вежливом поклоне, извиняясь. Видя это, Чжэн Хуэй окончательно смутился:

— Да при чём тут ты! Это мои внутренние терзания, не за что тебе извиняться.

— Как же не за что? Я ведь задел твои чувства, — Гу Чжао, заметив, что лёд тронулся, тут же расплылся в лукавой улыбке. — Ну так что, брат Чжэн всё ещё дуется? Неужто и впрямь прогонишь меня?

— Кто сказал — прогоню? — буркнул тот. — Я не дитя малое, чтобы из-за пустяков ссориться.

— Ну, почти... — пробормотал Гу Чжао и, не дав товарищу опомниться, потащил его за рукав.
— Идём скорее, а то в столовой всё самое вкусное разберут. Янь-сюн уже заждался.

В нескольких шагах от них, заложив руки за спину, стоял Янь Цзиньсинь. Услышав своё имя, он подошёл ближе и сурово взглянул на Чжэн Хуэя:

— Мужчине не пристало разводить канитель из-за мелочей. Брат Чжао хоть и младше нас на несколько лет, но обладает широтой души и является человеком редкой прямоты.

— Уж слишком ты меня хвалишь, второй брат, — отозвался юноша. — Идёмте же, за обедом и поговорим.

Троица отправилась в столовую. Взяв еду, они устроились за столом. Чжэн Хуэй едва притронулся к рису — мысли его были далеко. Первым заговорил Янь Цзиньсинь:

— У меня ведь тоже есть муж-гэ'эр. Семья моя была бедна, к девятнадцати годам я так и не нашел невесты, а учение требовало немалых денег. Родители, заботясь о моём будущем, решили, что брак с гэ'эром поможет хозяйству и даст мне возможность учиться дальше.

Он замолчал на мгновение, глядя в свою тарелку.

— Не стану скрывать: вчерашние слова брата Чжао заставили меня сгореть со стыда. Я никогда бы не бросил своего супруга, но в глубине души всё же считал такой брак чем-то постыдным. Ты открыл мне глаза, друг.

Янь Цзиньсинь закончил свою исповедь. Благородному мужу, стремящемуся к свершениям, не гоже презирать тех, кто делил с ним тяготы нужды.

Чжэн Хуэй отложил палочки, лицо его стало серьёзным.

— На самом деле, наши мысли схожи. Вчера я злился вовсе не на брата Чжао, а на самого себя.

Он перевёл взгляд с одного товарища на другого.

— У меня есть тайна, и я прошу вас сохранить её.

Гу Чжао кивнул. Янь Цзиньсинь же, не раздумывая, поднял руку и принёс клятву, поставив на кон свою будущую карьеру.

«Не слишком ли я легкомысленно просто кивнул? — промелькнуло в голове у Гу Чжао. — Может, тоже стоит чем-нибудь эдаким поклясться?»

Он начал было поднимать руку, но Чжэн Хуэй его остановил:

— Довольно, я верю вам обоим. Дело не настолько страшное, чтобы Янь-сюну рисковать своим будущим.

— Тот, кто верен слову, клятва не боится, — отчеканил Янь Цзиньсинь.

Чжэн Хуэй вздохнул и произнёс:

— Моя жена — внебрачная дочь главы округа.

Гу Чжао едва не поперхнулся. Вот это новости! Янь Цзиньсинь лишь слегка нахмурился. Рассказчик хотел было пуститься в объяснения, но Янь перебил его:

— Здесь не место для таких разговоров. Доедим и найдём укромный уголок.

— Верно, — поддакнул Гу Чжао, активно заработав палочками. — Еда стынет, а впереди нас ждёт интереснейший рассказ.

Его товарищи ели как обычно: один — с идеально прямой спиной, другой — непринуждённо и легко. Казалось, признание Чжэн Хуэя никак не повлияло на их аппетит, и это заставило его немного расслабиться.

После обеда они отправились на тренировочное поле. Место это было пустынным — если не было уроков стрельбы из лука, студенты обходили его стороной. Все предпочитали музыкальные классы на противоположной стороне, где среди изящных павильонов так приятно было декламировать стихи.

— Моя семья занималась лекарствами ещё со времён прадеда, — начал Чжэн Хуэй.

Их род происходил из городка Пинъань. Пока династия Дали сражалась за власть с предшественниками, прадед Чжэн колесил по стране, заводя полезные знакомства. Его сын, дед Чжэн Хуэя, стал учеником странствующего лекаря и перенял от него великое мастерство.

— Дед был очень способным. Учитель хвалил его, говорил, что у него «светлый корень», и передал все свои знания. Прадеду больше не нужно было кочевать с товаром — семья осела в городке, открыла лавку, и дела пошли в гору.

Хоть лекари и считались торговцами, их уважали — они спасали жизни. Семья Чжэн была известна своим милосердием, и если бы не один случай, они, возможно, никогда бы не заставили внуков зубрить каноны ради чиновничьего кресла.

— Однажды в наши края прислали карательный отряд — усмирять разбойников в двадцати верстах от города. Командир отряда, молодой офицер, был ранен. Прослышав о мастерстве деда, его привезли к нам.

Гу Чжао вставил:

— Не смогли спасти?

— Жизнь спасли, а вот руку — нет, — помрачнел собеседник.

В сердце Гу Чжао что-то ёкнуло. Неужто...

— Моему деду сломали руку, а вывеску лавки разнесли в щепки.

Так и есть.

— Кости потом срослись, дед поправился, но страх остался. И прадед, и дед, и мой отец — все были до смерти напуганы тем случаем.

Рассказчик вздохнул. Каждый раз, когда он заикался о том, что хочет бросить книги и заняться медициной, отец напоминал ему о том дне. Ему тогда было тринадцать. Он видел, как конь офицера едва не раздавил его, и только бабушка, бросившись наперерез, спасла его от гибели.

Прадед после того случая слёг и через несколько лет умер, так и не выпустив из рук ладонь сына. Дед же всё понял без слов. А отец к тому времени был уже слишком стар, чтобы начинать учение с азов, да и в реестрах он значился как торговец. Вся надежда легла на плечи внуков.

— Мой старший брат, Чжэн Яо, в двадцать шесть лет стал сюцаем, но дальше дело не пошло. Тогда семья выложила четыреста лянов, чтобы купить ему звание цзяньшэна.

— Цзяньшэна? — переспросил Гу Чжао.

Чжэн Хуэй пояснил:

— После полугода в Императорской академии можно получить место в ведомстве. Но это не то же самое, что сдать экзамены на цзиньши. На таких смотрят свысока, издеваются. Семья потратила уйму денег на взятки, и теперь он служит мелким чиновником девятого ранга в округе Цюйлян.

Цюйлян соседствовал с их округом Нинпин.

— Брат хотел выслужиться перед начальством и «высмотрел» мне невесту, — горько усмехнулся Чжэн Хуэй. — Говорят, что это мы — безродные аптекари — возвысились,

породнившись с главой округа.

В этом мире всё решало происхождение. Будь это законная дочь уездного судьи, торговец Чжэн никогда бы не смог на ней жениться — разве что случилось бы чудо или барышня сама бы в него влюбилась без памяти. Но с дочерью наложницы всё иначе.

Раньше, при прежней династии, дети наложниц и гэ'эры считались едва ли не рабами в доме, и законная жена могла творить с ними что угодно. Династия Дали смягчила законы, запретив продавать их, но отношение осталось прежним — их всё равно считали людьми «второго сорта». Чем знатнее был род, тем сильнее была пропасть между законными детьми и бастардами.

Для великих кланов дочь судьи седьмого ранга была никем, но для провинциальных богачей Чжэн Хуэя такой брак считался «удачей», что лишь подчёркивало низкое положение купцов.

Молодой человек по натуре был романтиком и мечтал о медицине, но его заставили зубрить книги. Брат, купивший себе чин, возлагал на него — способного и умного — все надежды семьи. Каждый раз, когда он пытался взбунтоваться, ему напоминали о перебитой руке деда.

О запрете на медицину. О женитьбе на дочери чиновника. О принудительном поступлении в академию.

Со временем запал Чжэн Хуэя иссяк.

— Если бы я мог выбирать, я бы стал странствующим лекарем. И мне было бы всё равно, какого рода моя жена — будь она хоть простой крестьянкой, лишь бы сердце лежало к ней.

В том романе он видел вовсе не корыстного студента, а человека, который борется за своё право на любовь вопреки воле семьи. Он видел в герое родную душу, ищущую искренности.

Гу Чжао низко поклонился другу.

— Прости меня. Я судил поверхностно и не знал всей правды. Но скажу прямо: ты стремишься к свободе, однако продолжаешь идти по пути, который выбрали для тебя другие. Ты — мужчина, и то не смог противостоять давлению. А твоя жена? Она родилась женщиной, да ещё и дочерью наложницы. Она не выбирала, где родиться и за кого выходить замуж. В нашем мире браки заключаются по слову свахи. Тот книжный герой нашёл свою «любовь», но его первая жена прожила остаток дней в горе и унижении.

Именно это и терзало Чжэн Хуэя с самого утра. Он понимал, что его супруга — такая же жертва обстоятельств, как и он сам. Но неужели ему суждено всю жизнь быть несчастным?

— Брат Чжао, а как бы поступил ты на моём месте? Что, если бы ты встретил свою истинную

любовь уже после свадьбы?

Гу Чжао ответил, не задумываясь:

— Моя единственная любовь — это мой муж-гэ'эр. Другой быть не может. — Видя подавленное состояние друга, он серьёзно добавил: — Скажу так: если не можешь сломать правила этого мира, постарайся хотя бы жить в ладу с собой. Скажи, ты хоть раз пытался по-настоящему узнать свою жену, отбросив мысли о её «незаконном» происхождении?

Чжэн Хуэй, как и подобает учёному, был в чём-то высокомерен. Брат, желая подлизаться к начальнику, подсунул ему «отбросок» — внебрачную дочь. Разумеется, сердце его было полно обиды на эту женщину.

— Если ты узнаешь её поближе, — продолжал Гу Чжао, — возможно, вы найдёте общий язык. А если нет — что ж, живите в уважении друг к другу. Дай ей то положение, которого она заслуживает как законная жена. Но если вдруг случится так, как в твоём романе, и ты найдёшь «ту самую»... Что ж, будь готов нести бремя позора и презрения. Это будет честная цена.

Нельзя ведь получить все блага сразу, как тот студент, оставив ни в чём не повинную женщину страдать.

— Брат Чжэн, не стоит горевать о том, чего ещё не случилось.

Зачем заранее изводить себя тревогой? В этом мире немногим везёт встретить свою судьбу так, как повезло Гу Чжао. Правила, сословия, приличия — всё это давит на таких, как Чжэн Хуэй. Он говорит о «простой крестьянке», но, попади он в деревню, вряд ли нашёл бы о чём поговорить с неграмотной девушкой.

Чтобы женщина была образованна, обладала талантом и статью — она должна происходить из хорошей семьи. А знатные девицы не гуляют по лесам, ожидая случайной встречи со студентом, чтобы почитать с ним стихи. Это всё сказки. И если бы даже такая встреча случилась, отец барышни скорее отправил бы её в монастырь, чем позволил стать «равной женой» или наложницей, марая честь рода.

Ни один уважающий себя клан не признает «равную жену» — это удел тех, кто не знает приличий.

— И давай смотреть правде в глаза, — добавил Гу Чжао. — Даже если мы сдадим экзамены на цзюйжэня, а потом станем цзиньши и попадём в академию Ханьлинь — а это вершина мечты — мы получим лишь ранг выше седьмого. И чтобы расти дальше без связей... Вспомни сановника Чу.

Кумир всех бедных студентов, он потратил пятнадцать лет, чтобы подняться до второго ранга.

— Сановник Чу теперь волен выбирать, но у него уже, поди, внуки есть. Если ты встретишь «любовь всей жизни», когда сам будешь при должности четвёртого или пятого ранга, она, скорее всего, тоже будет из знатного рода. И у такой красавицы будет огромный выбор женихов — ей вовсе не обязательно связываться с тобой.

После этих слов от романтического тумана в голове Чжэн Хуэя не осталось и следа. Даже Янь Цзиньсинь, которого это дело вроде не касалось, призадумался. Он, лучший на экзаменах, выходец из крестьян, невольно возгордился своим талантом, но теперь понял — путь впереди долг и труден.

— В общем, не забивай голову ерундой. Живи настоящим. Жизнь такова, какой ты её делаешь. Если будешь искать недостатки — найдёшь их даже в совершенстве. А если захочешь быть счастливым — найдёшь повод для радости, — закончил свою проповедь Гу Чжао.

Усвоили ли они урок — он не знал, но сделал всё, что мог. Весь вечер Янь Цзиньсинь работал как заведённый: усердно учился, бойко отвечал. Гу Чжао даже засомневался: «Я ведь вроде Чжэн Хуэя наставлял, чего это Янь-сюн так воодушевился?»

После занятий Гу Чжао попрощался с друзьями. Чжэн Хуэя он трогать не стал — пусть переварит услышанное. Сам же он, окрылённый, поспешил домой. История друга лишь напомнила ему о том, как он сам бесконечно счастлив. Как же ему хотелось поскорее обнять своего Чжоучжоу!

В резиденции Ли в Гранатовом переулке день для Ли Чжоучжоу выдался хлопотным.

Проводив мужа, он немного отдохнул, прибрал посуду и, когда спина перестала ныть, отправился в мясную лавку на западе, о которой говорила невестка Ма.

Дорога с расспросами заняла больше часа. Лавка эта славилась тем, что хозяин сам закупал свиней в деревнях и забивал их прямо здесь, на заднем дворе. Рестораны и мелкие торговцы съезжались сюда ещё до рассвета. Цены здесь были на монету ниже, чем везде — для большого дела экономия выходила солидная.

Чжоучжоу спросил потроха: кишечник, лёгкие, сердце... Поинтересовался, есть ли куриные, но хозяин лишь покачал головой. Курицу горожане покупали у деревенских, что приносили живой товар в корзинах прямо на улицы. Мясные лавки птицей не занимались.

Нинпин делился на несколько частей. На севере, у академии, жили почтенные учёные. На востоке, у управы — знать и богачи, там кипела роскошная жизнь. На юге, у городских ворот,

толпились носильщики, работяги и беднота. Еда там была простой и дешёвой. А на западе селился обычный люд: шумно, многолюдно, всё под рукой.

Там же, на юго-западе, располагался и «квартал красных фонарей» — Красный двор.

В мясной лавке Ли Чжоучжоу пришлось подождать. Хозяин, занятый важными покупателями, лишь бросил ему: «Жди», и принялся рубить мясо для тех, кто платил больше. Хоть Чжоучжоу и пришёл первым, обслужили его лишь через полчаса.

Он не обиделся — просто стоял в сторонке, не мешая. Когда лавка опустела, хозяин вынес ему деревянную бадью, полную всякой всячины. Выглядело это месиво не слишком аппетитно.

— Десять вэней за всё, — буркнул мясник.

Ли Чжоучжоу прикинул вес. Мясо в городе стоило дорого: жирное — по четырнадцать-пятнадцать вэней за цзинь, постное — по девять-десять. А тут — целая бадья, весом в добрую меру риса. Почти двадцать цзиней потрохов всего за десять монет!

— Ну, чего застыл? Берёшь или нет? — Хозяин не признал в нём гэ'эра, принял за щуплого мужика. «Видать, совсем прижало бедолагу, раз жену требухой кормит», — подумал он с жалостью.

— Возьму. Только мне столько сразу не надо, не съедим.

— Сам черпай, сколько влезет, — мясник бросил в бадью ковш. — Дашь три-пять монет, и ладно. Тьфу, мелочный какой...

Чжоучжоу набрал полную корзину и достал деньги.

— Клади три вэня сюда, — кивнул хозяин на прилавок. «Живут же люди...»

Ли Чжоучжоу поспешил домой. К полудню он уже был на кухне, полный решимости начать своё дело. Он достал специи, купленные ещё в городке, и принялся за работу. Потроха нужно было вычистить до блеска, обдать кипятком с имбирём и луком. Каждый шаг он старался запомнить до мелочей. Это в деревне можно было готовить как бог на душу положит, а в городе, чтобы люди платили деньги, товар должен быть безупречен.

Он разделил потроха на две части и поставил вариться в разных котелках, строго отмеряя вино и пряности. Когда по дому поплыл дивный аромат, Чжоучжоу и сам проголодался. Он пообедал простой булкой, обмакивая её в ароматный бульон.

Пока потроха томились под крышками, он сел за уроки.

Написав положенное, он аккуратно сложил тетради, с нежностью погладив иероглиф «сердце».

«Это — сердце, — Ли Чжоучжоу вспомнил слова мужа. — Это значит, что я всем сердцем люблю Чжоучжоу»

От этих мыслей на душе становилось тепло, а руки сами просили работы. За полчаса до возвращения мужа он выложил лувэй в два таза, поставил вариться овсянку и нарезал овощи. Едва из печи достали свежие булки, скрипнула калитка. Гу Чжао, сияя от радости, вошёл во двор и тут же обнял супруга за талию, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Что с тобой, муженёк? — Ли Чжоучжоу с улыбкой погладил его по спине. Сегодня Гу Чжао был липким, как патока.

— Просто подумал, как же мне повезло с тобой.

Они ещё немного подумались, и муж ушёл переодеваться. Вернувшись на кухню, он принялся:

— Ого! Ты уже приготовил лувэй? Ну и запах, с ума сойти можно!

— Хочу попробовать начать торговлю. Купил сегодня требухи всего на пять вэней, — Ли Чжоучжоу разложил потроха по тарелкам. — Конечно, когда дело пойдёт, придётся платить мяснику больше, чтобы не обидеть.

Гу Чжао слушал рассказ о мясной лавке и прикидывал.

«Хозяин отдаёт потроха за бесценок, потому что не знает, как на них заработать. Но если наша лавка процветет, он наверняка поднимет цену или вовсе прекроет поставки»

Лучше было заранее договориться о постоянной цене, чтобы не зависеть от чужой зависти.

— Муженёк, — предложил Чжоучжоу, — сегодня я приготовил много, в такую жару до завтра не долежит. Давай угостим соседей? Тётушку Сюй, невестку Ма и семью Чжан.

— Отличная мысль! Идём вместе.

Они быстро разложили потроха по мискам. Гу Чжао зашёл к Чжанам, Ли Чжоучжоу — к тётушке Сюй. Хозяева звали их войти, но супруги вежливо отказывались, ссылаясь на то, что ужин ещё не начат.

Гу Чжао всюду расхваливал таланты своего Чжоучжоу: «Это всё мой супруг придумал! Пока я в академии, он вот такую вкусноту готовит. Соседи, попробуйте, не пожалеете!» Чжоучжоу же был скромнее: «Просто потроха, копейки стоят, попробуйте для разнообразия».

Последней они навестили семью Ма, после чего заперли калитку и сели ужинать сами.

— Ну как на вкус, муженёк?

Гу Чжао пробовал вдумчиво, не ограничиваясь пустой похвалой.

— Лёгкие пропитались идеально. А вот печень внутри пресновата. Кишечник в этой миске переварен, а в той — жирноват...

Он призадумался:

— Можно варить всё в одном котле, но класть по очереди: печень — раньше, то, что быстро готовится — позже. И перед тем как оставить томиться, лучше всё порезать, так вкус быстрее войдёт в мясо.

Он положил супругу лучший кусочек:

— Но вообще — это очень вкусно. С таким соусом даже подошву можно съесть и добавки попросить!

— Ну ты и скажешь... — рассмеялся Ли Чжоучжоу. — Завтра попробую добавить что-нибудь ещё. Овощи, например.

— Да, лувэй из овощей тоже хорош. Корень лотоса, соевый сыр или сушёный тофу... Жаль, в деревне такого не ели.

— Дядя Ван делал соевый сыр, но в деревне его только в суп клали. А что такое корень лотоса?

— Он растёт в прудах под водой. Сверху — прекрасные цветы, а внизу — корень, белый и сочный. Из него и муку делают, и так жарят. Красота и польза в одном флаконе.

— И впрямь, хорошее растение, — согласился Ли Чжоучжоу.

Гу Чжао лишь улыбнулся. Вот и в этом они сошлись! Идеальная пара.

Тем временем в домах соседей тоже наступило время ужина.

Тётушка Сюй приняла миску с улыбкой, рассыпаясь в благодарностях, но едва закрылась дверь, лицо её стало кислым. Она и впрямь не считала требуху за еду. «Приехали тут из деревни, всякий мусор за угощение выдают», — ворчала она про себя.

— Матушка, что там в миске? — спросил сын.

— Соседи требуху принесли. Забери, — бросила она невестке. — И не забудь завтра миску вернуть.

Хуаньнян взяла миску. Тёмные, блестящие от жира кусочки выглядели странно. Никто из них никогда не ел потроха в пряном рассоле.

Вскоре вернулся и глава семьи, уставший после тяжёлого дня. У Сюй на ужин всегда подавали сытную еду: кашу из разных злаков, пышные булки и пару блюд — мясное и овощное. По городским меркам — вполне достойный стол.

Но еды вечно не хватало. Тётушка Сюй была бережлива: лучшие куски — мужчинам и внуку, себе — овощи. А за невесткой она следила зорко: стоило той потянуться за лишним кусочком, как старуха начинала выразительно кашлять.

— Матушка, надо бы побольше готовить, — заступился за жену сын. — Я и сам не наелся.

Старуха тут же отложила палочки:

— Ишь какой! Будто я вас голодом морю. Мужчины работают — им силы нужны. А бабе много ль надо? Я в её годы за лишний кусок по рукам получала, а она — гляди ты, какая жадная!

Хуаньнян молча жевала сухую булку. Она привыкла к причудам свекрови. Та экономила на всём, чтобы оставить деньги сыну и внуку.

— Скоро Сяо Вэню в школу пора, — продолжала старуха, глядя на внука с обожанием. — А учение нынче дорого. Ешь, милый, расти большим.

У мальчишки в миске горой лежали овощи и мясо. Хуаньнян легонько толкнула мужа под столом — мол, не спорь, хуже будет. Но тот всё равно ворчал, что полдня пахал, а булку заест нечем.

— Ох, я и забыла! — встрепенулась Хуаньнян. — Соседи же потроха принесли. Целую миску! Пойду принесу.

Глава семьи нахмурился:

— Что ещё за требуха? Неужто мы докатились до такого, чтобы объедки есть? Это лишь пустая трата денег.

Тётушка Сюй поспешила оправдаться:

— Да разве ж я купила бы такое! Подарок это. Люди от чистого сердца принесли, не обижать же их. Не хочешь — не ешь, а подливкой булку размочи, сытнее будет.

Хуаньнян выложила потроха в их семейную миску. На столе появилось блюдо, полное блестящих, тёмных кусочков. Домашние переглянулись с брезгливостью. Кто же в здравом уме станет это есть?

Хуаньнян, видя, что все медлят, тихо спросила:

— Матушка, можно я попробую?

Пока она ходила за миской, огурцы уже подъели, а к мясу она и притронуться не смела. Если не требуха — придётся есть пустую булку.

— Ешь, кто ж тебе не даёт, — милостиво разрешила свекровь. — Не велик деликатес.

Хуаньнян осторожно взяла кусочек, спрятала его в каше и отправила в рот, готовясь проглотить не глядя, как горькое лекарство. Но вдруг замерла. Глаза её расширились.

— Матушка... Это же вкусно. Правда, очень вкусно!

Тётушка Сюй не поверила, но невестка не смела лгать. Старуха сама потянулась за палочками. Попробовала — и застыла.

— Ну как? — загалдели мужчины. — Выплюнуть? Совсем дрянь?

Тётушка Сюй прожевала, проглотила и тихо произнесла:

— Вкусно. Невероятно вкусно.

Она тут же положила кусок внуку. И тут уже никто не заставил себя ждать. Булки макали в соус, потроха исчезали мгновенно. Каждый, кто пробовал, замирал от удивления.

Это не было похоже на требуху. Это было лучше любого мяса, что они ели до сих пор.

<http://bllate.org/book/15349/1428215>